

Г. Г. Бароян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

baro-german@yandex.ru

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОЧИНЕНИЙ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА: КАК СТРОИТСЯ РАССКАЗ ОБ АКТУАЛЬНОМ ПРОШЛОМ?

Статья посвящена изучению нарративных стратегий в оригинальных сочинениях Ивана Пересветова, которые следуют за «Повестью об основании и взятии Царьграда» в так называемом Сборнике Пересветова. Автор анализирует формальные приемы, которые «замедляют» повествование (прямая речь, рефрены, афоризмы), темпоральные особенности нарратива и язык, с помощью которого строится рассказ о событиях прошлого. В качестве выводов постулируется, что в собственных сочинениях Пересветова нарративная стратегия тяготеет к описательности и аллегоричности, вытесняя повествовательную модель, характерную для «Повести об основании и взятии Царьграда». Это позволяет Пересветову создать эффект «близости» прошлого к читателю, делая его актуальным.

Ключевые слова: Иван Пересветов, нарративные стратегии, «Повесть об основании и взятии Царьграда», книжная культура Московской Руси, политическая аллегория

В настоящей работе мы исследуем нарративные стратегии сочинений, входящих в так называемый Сборник Ивана Пересветова Полной редакции¹. Это большое и очень сложное с композиционной точки зрения собрание исторических и публицистических текстов, которые традиционно объединяются именем Ивана Пересветова – выезжего из Литвы дворянина, пытавшегося снять милость московского царя Ивана IV². Кратко напомним, о каких сочинениях идет речь.

В большинстве дошедших до нас рукописей Сборник открывает «Повесть о взятии Царьграда» младшей («хронографической») или «особой» редакции (появление последней А. А. Зимин связывал с именем Пересветова, однако мы считаем, что она возникла в XVII в.). Это сочинение было создано, скорее всего, в конце XV в. и пользовалось большой популярностью на Руси, войдя в состав Никоновской и Воскресенской летописей, а также в дополнительные статьи Хронографа 1512 г. В структуре Сборника Пересветова рассказ о взятии Константинополя турками служит отправной точкой для дальнейших построений публициста. Наш автор отталкивается от него, уже в собственных сочинениях развивая как сюжет «Повести», так и имплицитно заложенные в ней темы политического и религиозного характера.

Согласно реконструкции А. А. Зимина, далее в Сборнике следуют «Сказание о книгах», «Сказание о Магмет-салтане» и примыкающее к ним «Первое предсказание философов»³. Эти сочинения являются важнейшими содержательными частями Сборника. Они повествуют о том, что происходит в царстве Магмет-салтана после взятия Константинополя турками, а сам Магмет

¹ Деление всех дошедших до нас списков на две большие редакции предложил главный исследователь творчества Пересветова А. А. Зимин в подготовленном им издании 1956 г.; полную редакцию советский медиевист считал более близкой к протографу Сборника (см.: [Сочинения, с. 78–120; Зимин, с. 245–247]). На сегодняшний день предложенная А. А. Зимин реконструкция остается общепризнанной, и в своей работе мы будем ее придерживаться.

² Многоуровневая композиция Сборника до сих пор заставляет некоторых исследователей сомневаться в правомерности объединения фиксируемых в нем текстов под именем Ивана Пересветова [Альшиц, с. 267–271; Ерусалимский 2011]. В настоящей работе мы исходим из традиционной точки зрения, согласно которой сочинения Сборника созданы одним автором, и высказываем несколько новых аргументов в ее пользу. Строго говоря, К. Ю. Ерусалимский не отказывается от идеи, что Сборник создан одним автором, но отождествляет фигуру Ивана Пересветова с Иваном Федоровым. На наш взгляд, эта смелая гипотеза требует дополнительной аргументации, однако в настоящей работе нам в большей степени важен вопрос о единстве автора Сборника, нежели о его идентификации с конкретным историческим персонажем.

³ Условные названия разных частей Сборника мы для удобства даем по изданию А. А. Зимина [Сочинения].

неожиданно становится образцом для подражания. Именно здесь Пересветов размышляет о том, почему пал Царьград и как должно быть устроено «царство правды».

В «Малой челобитной» происходит довольно резкая смена регистра и тематики – мы, наконец, знакомимся с автором грандиозной историко-публицистической программы Сборника. Он оказывается весьма прагматичным персонажем, который хлопочет о делах насущных и жалуется царю на притеснения со стороны сильных мира сего – мотив, перекликающийся с критикой вельмож во всех предшествующих частях. В «Малой челобитной» содержатся практически все известные нам биографические сведения о Пересветове.

В «Сказании о царе Константине» и «Концовке» константинопольская тема возвращается. «Сказание», посвященное последнему византийскому императору, рисует мрачную картину всемогущества вельмож, которые «укротили царя от воинства» и «наполнили свои казны великим богатством», а «Концовка» становится его антитезой – читатель узнает из уст Магмет-салтана, как должно быть устроено «правильное» государство.

Все эти сочинения, очевидно, предваряют «Большую челобитную», подготавливая читателя к восприятию той пророческой и преобразовательной программы, которая разворачивается в главном сочинении Пересветова, объединившем в себе темы и мотивы всех предыдущих частей. В «Большой челобитной» волоцкий воевода Петр, выбранный автором в качестве главного резонера всего Сборника, говорит о великой миссии царя Ивана по спасению истинной веры, но в то же время предупреждает о больших трудностях, лежащих на его пути. «Большой челобитной» завершается, согласно традиционной точке зрения, Сборник Пересветова.

В настоящей работе нас будут интересовать в первую очередь самостоятельные сочинения Пересветова, располагающиеся после «Повести о взятии Царьграда». В то же время «Повесть», открывающая Сборник, будет важным ориентиром и предметом для сравнения при изучении других его частей. Как младшую, так и «особую» редакции «Повести» отличает ярко выраженное повествовательное начало, стремление рассказать законченную историю из прошлого. В оригинальных сочинениях Пересветова нарративная стратегия резко трансформируется.

Чтобы уловить эту трансформацию, нам потребуется взглянуть на сочинения Пересветова с разных сторон. Они будут интересовать нас в трех аспектах. Во-первых, мы сосредоточимся на некоторых литературных приемах Пересветова, «замедляющих» повествование. Во-вторых, рассмотрим темпоральные уровни нарратива и выделим особенности его функционирования. В заключение мы обратимся к грамматическим средствам, которые использует Пересветов для создания своего повествования.

Размывание повествовательно-исторического начала в сочинениях Пересветова

Сборник Пересветова был составлен не ранее 1540-х гг. (возможно, позже, как считали некоторые историки, но точно не раньше), когда исторический прототип Магмет-салтана – Мехмед II Завоеватель – уже более полувека как был погребен. Пересветов, по всей видимости побывавший в конце 1520-х гг. на службе у Яна Сапеги – ставленника турецкого султана, вряд ли мог заблуждаться на сей счет [Зимин, с. 318–320]. В то же время на страницах Сборника Магмет-салтан изображен как действующий правитель, в государстве которого царит справедливость («правда»). Иными словами, рассказ о царстве Магмет-салтана можно было бы представить как историческое повествование, сделав его нарративным продолжением «Повести о взятии Царьграда», однако происходит ровно обратное. В «Сказании о книгах» и в дальнейшем в других частях Сборника повествование «замедляется», наполняясь выразительным аллегорическим звучанием, превращаясь в модель для подражания, лишенную отчетливых временных категорий⁴.

⁴ О «светской» аллегории у Пересветова см.: [Кусков, с. 210].

Общая картина осложняется внесением в нее еще одной временной перспективы, связанной с образом православного царя Ивана Васильевича. Его миссия лежит, очевидно, в будущем и может быть «описана» только с помощью смутных пророчеств [Каравашкин 2019, с. 121–126].

В этом разделе мы остановимся на нескольких формальных приемах в сочинениях Пересветова, которые не позволяют сложиться гладкой истории с однозначным концом, – они вызывают ей синхронное звучание.

Прямая речь

В оригинальных сочинениях Пересветова мы наблюдаем существенное расширение пространства прямой речи. Его герои чаще говорят, реже «действуют».

Для начала обратимся к «Сказанию о книгах» – сочинению, которое непосредственным образом примыкает к «Повести о взятии Царьграда». На сюжетном уровне оно начинается в той точке, в которой обрывается «Повесть», – на вступлении Магмета на Константинопольский престол. Пересветов отталкивается от этого эпизода, который для автора «Повести» был уже развязкой, и рассказывает о том, что происходит в новоиспеченном царстве Магмет-салтана: «турский» правитель знакомится с книгами христианских мудрецов и не хочет отдавать их церкви, а патриарх Анастасий болезненно на это реагирует и обращается с молитвой к Христу, чтобы тот защитил поругаемую веру. После этого Магмет получает видение и убеждается в истинности христианской религии, а Анастасию открываются причины Божьего гнева в отношении Константинополя (автор подчеркивает связь между грехами греков и политической катастрофой).

Уже тут заметно возникающее напряжение между историей и словесной дидактикой: первая вытесняется в рамочную структуру (сюжетные элементы есть только в самом начале и в самом конце «Сказания»), вторая воплощена в прямой речи героев и отповеди Христа, обращенной к Анастасию. Сюжетная завязка – изъятие Магметом христианских книг – так и не получает удовлетворительного разрешения и становится лишь поводом для того, чтобы патриарх обратился к Богу с горячей молитвой – и услышал пространный ответ, в котором рефреном звучат слова: «Ино ли тебе видится Анастасию сие поругание неверных грузко сердцу твоему? ... Лютее было мне, Господу Богу вашему, терпети от вас, иже бы естя знали меня, Господа Бога своего, и веры христианския естя моя любимыя надо всеми верами, да ни в чем естя моя воли не творили, во всем естя меня прогневали, заповедь мою преступали» [Сочинения, с. 150].

Молитвы становятся важным структурным элементом и в других сочинениях Сборника. Главный герой «Большой челобитной» воевода Петр чередует свои политические высказывания и пророчества с молитвами, которые как бы вклиниваются в его нарратив. Например, между знаменитым рассуждением о соотношении правды и веры и иллюстрирующим его рассказом о том, как Магмет-салтан установил справедливость в Царьграде, воевода Петр обращается к небесам: «Боже! Дай милосердие свое великое, чтобы та его мудрость не оминула великого царя благовернаго и только бы по нашим грехом да не то царство руское осталось и просияло верою христианскою волное царство» [Сочинения, с. 177]. Так молитва – текст, направленный в будущее и обладающий перформативным свойством, – дробит мысль и придает особое звучание словам воеводы Петра: в них отчетливо проступает футурологическая перспектива.

В так называемой «Концовке» мы не увидим уже ничего, кроме прямой речи: перед нами набор высказываний Магмета о том, как должно быть устроено справедливое государство и как нужно вести себя людям из окружения правителя («Да рек тако Магмет-салтан: “Пишет о милостыни мудрец, яко подобает от праведнаго труда творити милостыню, а не от лихоимства”» [Сочинения, с. 169] и т. п.).

Рефрены, афоризмы, пророчества

Мы не случайно отметили, что жалобы Христа на грехи греков звучат *рефреном* в «Сказании о книгах». Использование довольно обширных рефренов – еще одна черта нарративной стратегии Пересветова, которая противостоит простому повествованию, задавая циклическую структуру текста. Мы встречаем множество пространных повторов на страницах Сборника, к примеру – в той же «Концовке»: «Не приказал Бог велможам ни воинником давати власти судити праведнаго суда и казны царевы збирати...» [Сочинения, с. 168–169]. Эти слова, открывающие «Концовку», почти дословно воспроизведены в ее заключении, что создает кольцевую композицию и усиливает «синхронное» звучание этого сочинения. Фактически в нем нет никакого сюжета – оно полностью вытеснено «политическими» размышлениями Магмета. Таких повторов-рефренов мы насчитали около десятка во всем Сборнике, среди них и самый известный: «Бьет челом холоп твой Ивашка Пересветов, вывезл есми...» [Сочинения, с. 170–171].

К характерным чертам нарративной стратегии Сборника, противостоящим повествовательной парадигме, относится также его знаменитая афористичность. «Как конь царем без узды, тако и царство без грозы»; «Богатыя николи о воинстве не думают, думают о смиренни и о кротости и о упокое»; «Воинника держати как сокола чредити» [Сочинения, с. 153, 167, 175] и многие другие высказывания (всегда являющиеся, кстати говоря, словами героев, а не ремарками рассказчика) претендуют на емкую и обобщающую концептуализацию реальности, что также противостоит логике исторического повествования. Попытка вывести с помощью афористических высказываний некие общие законы функционирования общества и государства выдает в авторе именно историософскую (публицистическую) позицию, на основании которой он формулирует свою программу. Подобные высказывания находятся вне временных отношений и имеют всегда актуальное звучание, поскольку апеллируют к идее образца [Лихачев 1971, с. 311–312]. Магмет-салтан уподобляется одному из таких образцов – праведному христианскому царю – и сам формулирует важные законы политического общежития: «А все то царь Магмет-салтан списал со христианских книг ту мудрость – таковому годится христианскому царю божию волю делати. И рече тако Магмет-салтан: “в котором царстве люди порабощены и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга”» [Сочинения, с. 157].

Наконец, еще одним элементом нарративной стратегии автора Сборника становится включение в его рассказ пророчеств разных видов, которые апеллируют к будущему, размывая историческую природу конвенционального повествования и также опираясь на некие вневременные образцы. Например, в Большой челобитной в профетическом контексте не раз звучит параллель между Иваном Васильевичем и Александром Македонским: «Пишут о тебе, государе, мудрья философи греческия и дохтуры латинския о благоверном великом царе, что будет о тебе, о государе, слава велия вовеки, яко о цесари Августе и о цари Александре Македонском...» [Сочинения, с. 171]. Воевода Петр, произносящий эти слова, понимает, апеллирует к архетипу сильного правителя, а не к конкретным историческим лицам, включая в этот ряд и своего адресата, – так история обретает префигуративное звучание, вырываясь из рамок исторического повествования.

Все эти формальные признаки нарративной стратегии Пересветова отличают ее от той, что мы наблюдали в «Повести о взятии Царьграда». Это не удивительно: «Повесть» открывала Сборник и стала для нашего автора герметично закольцованной реальностью, которая на метауровне сама становится прецедентом и архетипом, но внутри сохраняет целостность повествовательной модели.

Время и безвременье в сочинениях Пересветова

Мы видим, что историзирующая нарративная стратегия, наблюдаемая в «Повести о взятии Царьграда», сменяется более сложной в других сочинениях Сборника. Для нее характерны следующие черты: отсутствие специфически исторической репрезентации прошлого, его актуализация и превращение в образцовые модели, отсюда – существование описываемых событий на разных темпоральных уровнях (прошлое живо в настоящем, но также префигуративным образом говорит о будущем), активное использование исторических параллелей, отказ от конкретного в пользу условного, большая роль вымысла и мистификации, усиление дескриптивного начала в противовес повествовательному и т. д. Рассмотрим их на конкретных примерах.

Параллели между прошлым, настоящим и будущим

Практически в самом начале «Сказания о Магмет-салтане» мы встречаемся с ремаркой, которая, как кажется, продолжает нарративную стратегию «Повести о взятии Царьграда». Автор сообщает нам год, в который разворачиваются дальнейшие события, и начинает свой рассказ о них: «В лето 6961 царь Магмет-салтан турской велел со всего царства все доходы к себе в казну имати, а никому ни в котором городе наместничества не дал велможам своим...» [Сочинения, с. 152]. Однако это единственный пример указания на конкретную временную точку во всем Сборнике за пределами «Повести о взятии Царьграда», где таких случаев несколько (там названы даты того или иного приступа города). Дальнейший рассказ в «Сказании о Магмет-салтане» строится как описание реформ, проведенных новым правителем. Прошлое с точки зрения формальной логики (в тексте указана дата, отстоящая от 1549 г. почти на сто лет) описывается – в том числе грамматически – в категориях настоящего, ведь оно имеет актуальный смысл и служит образцом для подражания, о чем свидетельствуют положительные коннотации образа Магмета [Ерусалимский 2012, с. 101; Зимин, с. 379; Каравашкин 2000, с. 299–300]. Об этом говорит и главный резонер Сборника – воевода Волосский Петр – в своем знаменитом сетовании на отсутствие «правды» в царстве Ивана Васильевича.

Адресатом этих намеков являлся, как известно, Иван IV. Его образ в пространстве пересветовского нарратива вроде бы принадлежит актуальному настоящему, однако на самом деле картина сложнее. На него возложена – и явлена в пророчествах – миссия, принадлежащая области будущего: речь идет об установлении царства, в котором вера и правда будут соединены [Каравашкин 2000, с. 304]. Если образ Магмет-салтана функционирует в прошлом и настоящем, то образ русского царя – в настоящем и будущем, а сами они параллельны друг другу. Ощущение «связи времен» хорошо отразилось в ремарке из «Сказания о Магмет-салтане»: «И ныне греки хвалятся государевым царством благоверного русского царя от того взятия Магметова и до сех лет» [Сочинения, с. 160–161]. Этим, однако, параллельный ряд не исчерпывается. Даже если оставить за скобками «необразцового» царя Константина Ивановича (хотя он, безусловно, в определенном смысле антипод Магмета), необходимо обратить внимание на практически не замеченный исследователями образ царя Константина Великого – тезки неудачливого императора, – который принадлежит мифическому «золотому веку». «Сказание о Константине» открывается характерным пассажем: «Благоверный царь Констянтин и мати его благоверная царица Елена веру христианскую уставили и иным царем благоверным после себя, и град создан благоверным царем Констянтином и материю его благоверною царицею Еленою и возхвален, и нарекли ему имя Царьград. А благоверным царем Констянтином Ивановичем Царьград взят от турскаго царя Магмета-салтана Амуратова сына; а все то для гордости и неправды велмож Констянтиновых господь бог гнев послал на них неутолимый» [Сочинения, с. 165]. История Константина и Елены лишена каких-либо хронологических привязок и, строго говоря, даже

не может быть названа историей, так как функция этого рассказа – служить параллелью, неким фоном из мифического прекрасного прошлого, на котором рельефнее проступает образ последнего византийского императора. Смысловая и композиционная роль этих героев – «быть благоверными», что подчеркнуто в многочисленных повторах этой характеристики.

Эта параллель усложняется буквально в следующих же строках, когда составитель пересветовского Сборника начинает рассказ о детстве Константина Ивановича, проводя очевидные и недвусмысленные намеки на детство русского царя, из которого взяты псевдобиографические подробности жизни византийского императора: «От своего отца, благоверного царя Ивана, Константина града остался млад царствовать, трехлет от порожения отца своего в Константинограде, и на всем царстве греческаго закону христианския веры. И велможи его до возрасту царева царство его обладали и измытарили, и бедами сцепили, неправыми суды, и особную брань во царстве том учинили ...» [Сочинения, с. 165–166]. История в этом отрывке совершенно теряет собственно историческое звучание и становится живым настоящим, которое должно самым непосредственным образом отозваться в душе адресата послания. Можно сказать, что история превращается в аллгорию⁵. Кстати говоря, некоторые параллели такой аллгоризации истории мы могли бы найти и в области пространственных построений нарратива (а потому уместно говорить о его особенном хоронотопе) – например, похожим образом ведет себя «Константиноград»: если в «Повести о взятии Царьграда» город описывается с разными подробностями и осязаемыми деталями (башни, стены, ворота, храмы), то в приведенных отрывках столица империи важна только как архетипический образ Города, который является политическим центром власти (в данном случае также – истинной веры) и ее символическим воплощением.

Подобные параллели между прошлым, настоящим и будущим особенно важны в «Большой челобитной». Воевода Петр никогда не рассказывает истории просто так. Сразу после того как он произносит следующие слова: «так был Магмет-салтан, турской царь, ко Царюграду дань давал, з благоверным царем жил в великом смиреннии безбранно; а отец его разбойник был на море и турскую землю осилел и засел, и потом грех ради наших Магмет-салтан, турской царь, разбойнический род осилел и Царьград взял, и благоверного царя Константина потребил ...», за ними следует красноречивая молитва: «Боже! Поблуди и милостив буди над руским царем благоверным великим князем Иваном Васильевичем всея Русии и над царством его, да не уловили бы его тако же велможи его враждою от ереси своя лукавством своим, да не укротили бы его от воинства» [Сочинения, с. 177–178]. Образы Константина и Ивана Васильевича предельно сближены, и один является грозным предостережением другому. Первый при этом не лишается своего исторического измерения – все понимают, кто такой Константин, в отличие, скажем, от параллелей с Августом и Александром Македонским, которые окончательно превращены в архетип⁶, – однако эта история вступает в сложные зеркальные отношения с другими уровнями темпоральности рассматриваемого текста и приобретает аллгерические черты.

Аллгерия и фикция

Описанное выше смешение темпоральных регистров вызывало характерное восприятие некоторых частей Сборника в качестве притч, сказочных и басенных эпизодов, о котором говорили некоторые исследователи [Пушкарев, с. 63; Попов, с. 96]. Действительно, как мы видим, автору пересветовского Сборника далеко не чужда аллгерическая репрезентация событий

⁵ Это обстоятельство позволяло некоторым исследователям говорить даже о некоторой «сказочности» пересветовского повествования (см.: [Лихачев 1956, с. 51]).

⁶ «... Они же ведали, неверные, во многих странах от мудрых философ своих приращение царское о воинстве его, что от меча его вся подсолнечная не могла сохранитися, но и паче же Александра Македонскаго благоверный же царь Константин» [Сочинения, с. 167].

прошлого и настоящего, а вымысел является одним из его средств создания нарратива. Вымысел также работает на ту стратегию конструирования образцовых моделей, о которой было сказано выше. Так, в «Большой челобитной» читаем: «Ино так пишут о тебе, о благоверном царе: ты – государь грозный и мудрый, на покаяние приведешь грешных, и правду во царстве своем введешь, и богу сердечную радость воздашь. Ко Августу кесарю во убогом образе пришед воинник и принесл ему великия мудрости воинския, он его про то пожаловал, держал его близко себя и род его. А ко царю Александру Макидонскому пришед воинник во убогом же образе с великою мудростию воинскою. От богатых мудрость воинская не почитается николи же» [Сочинения, с. 172]. Лишенные каких бы то ни было исторических черт, император Август и Александр Македонский выступают в роли мудрых правителей, готовых прислушаться к мудрости «воинников», их образы абсолютно параллельны и недвусмысленно служат ориентиром для адресата послания.

Не случайно в создании нарратива важную роль играют разного рода «мистификации». Сам Пересветов в духе своего времени создает в «Большой челобитной» генеалогическую фикцию, возводя свое происхождение к воину Пересвету, который также функционирует в пространстве гомогенного мифического прошлого: «А яз, государь, с теми речми выехал из Литвы, уже тому 11 лет минуло, служачи тебе... поминая своих пращур и прадед, как служили верно государем, руским великим князем, твоим пращуром, Пересвет и Ослябя в чернцах и в схиме со благословением Сергия чудотворца на Донском побоищи при великом князе Дмитрие Ивановиче за веру христианскую и за святыя церкви и за честь государеву пострадали и главы свои положили» [Сочинения, с. 171]. Так, свою собственную судьбу автор также описывает по модели авторитетного образца.

Да и сами персонажи пересветовского сборника не чужды разного рода «мистификациям» и даже откровенному обману, как в случае с подлогом книг перед Константином Ивановичем, который не желающие воевать вельможи совершают на страницах «Сказания о Константине»: «И умыслили книги написати от бога с великою клятвою, кое не достоин царю христианскому на иноплемянники ходити воевати, достоин ему от находу боронитесь» [Сочинения, с. 167].

Грамматические оттенки прошлого и настоящего

Специфические нарративные стратегии Пересветова предполагают, по всей видимости, использование специфического языка – в буквальном, грамматическом смысле этого слова. В заключительной части мы рассмотрим, как в текстах Пересветова устроена система использования глагольных временных маркеров и о чем это говорит. При этом нам бы хотелось не столько зафиксировать и описать грамматический строй созданных им сочинений, сколько поставить вопрос о том звучании, которое они придают рассказу. Иными словами, нас интересует, существует ли какая-то связь между теми глагольными формами, которые использует наш автор, и его нарративными стратегиями.

Напомним, что в нашем распоряжении есть важное сочинение, позволяющее выстраивать сравнительную оптику, – это «Повесть о взятии Царьграда». В нем для разговора о прошлом широко используются формы имперфекта, аориста и причастий (в «особой» редакции они также по возможности сохраняются, хотя и не всегда⁷). Что же происходит в оригинальных сочинениях Пересветова?

⁷ Из более чем 600 случаев употребления в младшей редакции «Повести» форм аориста, имперфекта и действительных причастий прошедшего времени, в «особой» редакции правке подвергаются более 120, что составляет чуть менее 20 %. В то же время мы встречаем множество, как кажется, невынужденных «ошибок», как в этом случае: в исходной версии читаем «Царь же сечаше их (турок. – Г. Б.) ... и бежаху от него из града», в «особой» редакции – «Царь же сечаше их ... **бежаше** от него из града...» [ПСРА, с. 90; Сочинения, с. 136].

Исчезновение форм аориста и имперфекта

Первое, что бросается в глаза при чтении собственных сочинений Пересветова в сопоставлении с «Повестью о взятии Царьграда», – это постепенное исчезновение форм аориста и имперфекта и использование вместо них форм перфекта (с опущенными связками в 3-м лице) или настоящего времени. Такое употребление глагольных маркеров будет характерно для «простого» языка в текстах XVI и особенно XVII вв. [Живов, с. 231–240, 654–657].

В то же время в «Сказании о книгах», которое, как мы видели, непосредственно продолжает «Повесть о взятии Царьграда», сохраняется некоторая «инерция» использования аористных форм в устойчивых контекстах. Это дополнительно подтверждает версию о том, что эти тексты создавались одним человеком и задумывались как часть единого целого. В дальнейших частях Сборника формы аориста и имперфекта практически исчезают.

Если обратиться к цифрам, мы увидим следующую картину. Большую часть глагольных форм прошедшего времени, употребленных в «Сказании о книгах», составляют формы перфекта, в том числе без связки в 3-м лице (57). В то же время мы наблюдаем 13 случаев (17,5 % от общего числа глаголов прошедшего времени) использования аориста в устойчивых контекстах [Дурново, с. 34–35; Мещерский, с. 35], очевидно, воспринятых из «Повести»⁸. Так, например, «Сказание о книгах» открывается словами: «И повеле царь турский Магмет-салтан у патриарха Анастасия книги взяти все греческия и списати книги христианския по турски слово в слово...» [Сочинения, с. 147]. Спорадическое употребление аористных форм («И услыша Христос Бог наш...»; «И скоро посла по патриарха Анастасия...» [Сочинения, с. 148]), концентрируется в первой половине, даже ближе к началу этого небольшого сочинения⁹. Такая конфигурация, очевидно, объясняется попыткой Пересветова подражать тексту «Повести о взятии Царьграда» и говорит о том, что он умеет воспроизводить книжный регистр хотя бы в устойчивых и привычных синтагмах. Однако в дальнейшем он откажется и от такого произвольного употребления аориста, в котором наш автор, по всей видимости, не просто не уверен – он и не нуждается в нем.

А-формы и формы настоящего времени

Итак, в собственных сочинениях Пересветова фактически единственным вариантом для обозначения прошлого на грамматическом уровне становится употребление форм перфекта и настоящего времени (также в нескольких случаях наш автор использует так называемый «русский плюсквамперфект», показывая последовательность действий в прошлом в рамках одного предложения). Типичным становится повествование такого рода: «Царь же Магмет велико о том умудрился кое великую правду во царство свое ввел... А ту мудрость царь Магмет снял з греческих книг... Константин вельможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовались и нечисто збирали, богатели...» [Сочинения, с. 154]¹⁰.

Как мы уже говорили, употребление форм аориста и имперфекта вызывало у Пересветова определенные трудности, и потому отказ от них в его собственных сочинениях кажется вполне естественным. В то же время, как мы видели, в них исчезает историческое повествование в строгом смысле слова. После скромной сюжетной рамки в «Сказании о книгах» на первый план выходит видение патриарха Анастасия. Этот эпизод служит уже не только и не столько историческому повествованию о «далеких» событиях прошлого, сколько становится грозным

⁸ Речь идет о простых конструкциях с глаголами «рече», «повеле», «глагола», которые встречаются на страницах «Повести» в больших количествах.

⁹ Аористные формы, таким образом, получают функцию маркера книжности [Живов, с. 653].

¹⁰ Отметим, правда, что в важных Музейном и Олонецком списках фраза начинается следующим образом: «Царь же Магмет велико о том умилосердился...». Ср.: «Царь же турской умудрился, на всяк день 40 тысяч янычан при себе держит, гораздых стрелцов огненныя стрелбы и жалование им дает, алафу по всяк день» [Сочинения, с. 156]. В Музейном списке здесь читается «умудрил», в издании А. А. Зимина – ошибка («умудрил себе»).

предостережением адресату этих текстов – Ивану Грозному. В следующем затем «Сказании о Магмет-салгане» разворачивается масштабная картина реформ, проведенных турецким правителем, которая обычно трактуется исследователями как программа преобразований, предлагаемых Пересветовым Ивану IV. Рассказ о них строится с помощью глаголов настоящего времени: «Ино у царя кто против недруга крепко стоит, смертною крепко игрою играет, и полки у недругов розрывает, и царю верно служит, хотя от меншаго колена, и он его на величество возведет, и имя ему велико дает... А царь тако рек во все войско свое, малу и велику: “Братия, все есмь дети Адамовы; кто у меня верно служит и стоит люто против недруга, и тот у меня лучший будет”» [Сочинения, с. 158–159]¹¹. Наконец, в «Сказании о царе Константине» и «Концовке» представлено зеркальное описание принципов управления государством, которых придерживались «Константин Иванович», последний византийский император, и Магмет-салган.

Обо всем этом Пересветов рассказывает «простым» с точки зрения грамматики языком. Но дело не только в «простоте». Обратим внимание на гомогенность грамматического измерения прошлого [Успенский, с. 247], к пространству которого относятся и бывшие деяния Константина, и первые шаги Магмета¹². Сочетание л-форм и форм настоящего времени придает рассказу Пересветова определенное звучание – оно делает прошлое одномерным и актуальным. В «Сказании о Константине» читаем: «Они же (неверные. – Г. Б.) его мнози убоялися неверныя по многим странам, а иныя присылали о миру глаголити с ним, а иныя цари дань дают, а иныя цари служити приказываются ко благоверному царю Константину» [Сочинения, с. 167]. Функции имперфекта, как это обычно бывает, переходят к глаголам несовершенного вида в л-форме и одновременно к формам настоящего времени (повествование заведомо относится к прошлому, так как речь идет о бывшей славе царя Константина, ныне свергнутого), составляя части нового нарративного ландшафта. В нем история теряет свою специфическую, повествовательную природу, а пространство прошлого уже не так жестко разграничено с настоящим. Ощущение стертой границы отчетливо проступает в словах воеводы Петра: «А того греки забыли, яко знамение господь бог показал над фараоном царем египетским – морем потопил его да и велмож его для того, что был он израильтян поработил. Ино то есть знамение велико от бога, что бог гордости не любит и порабления» [Сочинения, с. 182].

Иными словами, при создании своих собственных сочинений Пересветов не только демонстрирует неуверенное владение традиционной системой прошедших времен церковнославянского языка, которая на грамматическом уровне позволяла создать сложную и нюансированную картину прошлого в повествовательной парадигме. В определенном смысле он и не нуждается в ней. В его не книжном и публицистическом тексте эта система темпоральных маркеров просто исчезает. Создавая свою редакцию «Повести о взятии Царьграда», Пересветов явно старался подражать книжному языку оригинала, несмотря на сопряженные с этим трудности. В других частях Сборника такой необходимости, как кажется, нет – они написаны в буквальном смысле другим языком.

Вымывание повествовательного начала на грамматическом уровне происходит также с помощью активного употребления на страницах Сборника условных конструкций и инфинитивов, которые превращают рассказ в инструкцию, а в чем-то – в призыв к действию. Особенно много примеров находим на страницах «Большой челобитной» в словах воеводы Петра: «Естьли хотети взем Бога на помощь Казанского царства добыти, ино себя не пощадити ни в чем, послати

¹¹ В Музейном списке: «против недруга смертною крепко игрою играет» [Сочинения, с. 158].

¹² Немногим выше мы упомянули о знакомстве Пересветова с формами «русского плюсквамперфекта», однако во всем Сборнике насчитывается лишь несколько случаев его употребления спорадического характера. С его помощью Пересветов показывает, как это обычно и бывает, последовательность событий в рамках одной фразы, но все же не усложняет темпоральный пейзаж своих текстов.

войско на Казань, возрадивши им сердца воинником своим царским жалованием и алафою и приветом добрым» [Сочинения, с. 182]. Подобные конструкции, наряду с употреблением глагольных форм будущего времени, отвечают за футурологическую перспективу сочинений Сборника¹³.

Таким образом, на грамматическом уровне собственные сочинения Пересветова существенно отличаются от «Повести о взятии Царьграда». Эти изменения в языке – в первую очередь речь идет об отказе от употребления форм аориста и имперфекта – интересным образом совпадают с важным сдвигом в нарративной логике сочинений, образующих пересветовский Сборник. Если в случае с «Повестью о взятии Царьграда» составитель Сборника создает (переписывает) историю, то теперь прошлое, конструируемое почти исключительно с помощью форм перфекта и настоящего времени, размывается и «гибридизируется», смешиваясь с настоящим. Формы аориста, употребляемые в «Сказании о книгах» вслед за «Повестью о взятии Царьграда» как бы «по инерции», в дальнейшем просто исчезают – как исчезает и историческое повествование, уступая место «публицистической» картине прошлого. Мы не хотим сказать, что между этими явлениями существует причинно-следственная связь, но сам факт подобной корреляции представляется нам довольно любопытным и заслуживающим внимания.

Итоги

Сборник Ивана Пересветова открывает «Повесть о взятии Царьграда», которая играет роль стартовой точки для его дальнейших сочинений. Эти сочинения строятся на ее материале, но функционируют совершенно иным образом. «Повесть», сохраняющая книжные грамматические черты, принадлежит пространству прошлого, выкристаллизовавшегося в законченную историю. Некнижный регистр остальных частей Сборника, проявляющийся в том числе в употреблении перфектных форм и глаголов настоящего времени при описании прошлого, коррелирует с переходом к иной нарративной стратегии.

Как работает эта нарративная стратегия? В собственных сочинениях Пересветова мы наблюдаем отчетливое сужение повествовательного начала (важного для «Повести о взятии Царьграда») в пользу дескриптивного и аллегорического. На уровне литературных приемов это проявляется в активном использовании форм прямой речи (в том числе в виде обширных цитат), повторяющихся мотивов и рефренов, высказываний афористического характера, претендующих на вневременную актуальность, пророчеств и притчевых форм.

«Замедление» истории связано с тем, что на страницах Сборника она приобретает особое измерение. Исторические события, формально принадлежащие прошлому, получают актуальное звучание и превращаются в модели, успешно функционирующие и в настоящем, и в будущем. В нарративной стратегии Пересветова сосуществует несколько уровней темпоральности, создающих довольно сложную картину, в которой большую роль играют параллелизм образов и префигуративное понимание времени. Его история дышит сегодняшним днем.

Источники

ПСРА. СПб., 1901. Т. 12. VI, 266 с.

Сочинения – Сочинения И. Пересветова / Подгот. текста А. А. Зимина; Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. 388 с.

¹³ См. характерное пророчество «греческих философов» и «латинских дохтуров»: «Коли его, государя, бог милостию своею сохранит и помилует и не выдаст его на охулу, и найдет на него великая мудрость, и обличит бог пред ним все враги его, и да будут каятися о гресех все враги пред богом сердечными слезами, увидевше таковую мудрость царскую, от бога прироженную, да и сами тому велико удивятся» [Сочинения, с. 162].

Литература

- Альшиц Д. Н. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб., 2009. 498 с.
- Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. 2-е изд. М., 1969. 296 с.
- Ерусалимский К. Ю. Греческая «Вера», турецкая «Правда», русское «Царство» ... : еще раз об Иване Пересветове и его проекте реформ // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 7 (69). С. 87–104.
- Ерусалимский К. Ю. Публицист и Централизованное государство. И. С. Пересветов в творчестве А. А. Зимина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 38. С. 100–128.
- Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. М., 2017. Т. 1. 816 с.
- Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. 498 с.
- Каравашкин А. В. Историософия и пути воплощения авторской позиции в публицистическом сборнике Ивана Пересветова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 280–326.
- Каравашкин А. В. Пророческая поэтика сборника Ивана Пересветова (40-е гг. XVI в.) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 117–131.
- Кусков В. В. История древнерусской литературы. 7-е изд. М., 2003. 336 с.
- Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И. Пересветова / Подгот. текста А. А. Зимина; Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 28–56.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971. 415 с.
- Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981. 280 с.
- Попов Д. В. Художественно-стилистические особенности публицистики Ивана Пересветова // Хоразм Ма'mun Akademiyasi Axborotnomasi. 2020. № 6 (2). С. 95–97.
- Пушкарев Л. Н. И. Пересветов и его связь с русской литературной традицией // Сочинения И. Пересветова / Подгот. текста А. А. Зимина; Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 57–77.
- Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002. 560 с.

References

- Al'shits, D. N. Ot legend k faktam. Razyskaniya i issledovaniya novykh istochnikov po istorii dopetrovskoi Rusi. Saint Petersburg, 2009. 498 p. (In Russ.)
- Durnovo, N. N. Vvedenie v istoriyu russkogo yazyka. 2nd edition. Moscow, 1969. 296 p. (In Russ.)
- Erusalimskii, K. Yu. Grecheskaya "Vera", turetskaya "Pravda", russkoe "Tsarstvo"... : eshche raz ob Ivane Peresvetove i ego proekte reform. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2011. No. 7 (69). Pp. 87–104. (In Russ.)
- Erusalimskii, K. Yu. Publitsist i Tsentralizovannoe gosudarstvo. I. S. Peresvetov v tvorchestve A. A. Zimina. In *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. 2012. Iss. 38. Pp. 100–128. (In Russ.)
- Karavashkin, A. V. Istoriiosofiya i puti voploshcheniya avtorskoj pozitsii v publitsisticheskom sbornike Ivana Peresvetova. In *Germevntika drevnerusskoi literatury*. Moscow, 2000. Iss. 10. Pp. 280–326. (In Russ.)
- Karavashkin, A. V. Profeticheskaya poetika sbornika Ivana Peresvetova (40-e gg. XVI v.). In *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2019. Vol. 52. Pp. 117–131. (In Russ.)
- Kuskov, V. V. Istoriya drevnerusskoi literatury. 7th edition. Moscow, 2003. 336 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Ivan Peresvetov i ego literaturnaya sovremennost'. In *Sochineniya I. Peresvetova. Text preparation by A. A. Zimin; Ed. D. S. Likhachev*. Moscow; Leningrad, 1956. Pp. 28–56. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Poetika drevnerusskoi literatury. 2nd edition. Leningrad, 1971. 415 p. (In Russ.)
- Meshcherskii, N. A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Leningrad, 1981. 280 p. (In Russ.)
- Popov, D. V. Khudozhestvenno-stilisticheskie osobennosti publitsistiki Ivana Peresvetova. In *Xorazm Ma'mun Akademiyasi Axborotnomasi*. 2020. No. 6 (2). Pp. 95–97. (In Russ.)
- Pushkarev, L. N. I. Peresvetov i ego svyaz' s russkoi literaturnoi traditsiei. In *Sochineniya I. Peresvetova. Text preparation by A. A. Zimin; Ed. D. S. Likhachev*. Moscow; Leningrad, 1956. Pp. 57–77. (In Russ.)
- Uspenskii, B. A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.). 3rd edition. Moscow, 2002. 560 p. (In Russ.)
- Zhivov, V. M. Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti: in 2 vol. Moscow, 2017. Vol. 1. 816 p. (In Russ.)

Zimin, A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka. Moscow, 1958. 498 p. (In Russ.)

German G. Baroian

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

NARRATIVE STRATEGIES OF IVAN PERESVETOV'S WRITINGS:
HOW IS A STORY ABOUT THE ACTUAL PAST CONSTRUCTED?

The article examines the narrative strategies in Ivan Peresvetov's original writings, which follow "The Tale on the Taking of Tsargrad" in the so-called Peresvetov's "Sbornik". The author analyzes formal techniques that "slow down" the narrative (direct speech, refrains, aphorisms), temporal features of the storytelling and the linguistic tools used to reconstruct past events. The study argues that Peresvetov's works prioritize descriptive and allegorical modes, displacing the linear historical narrative characteristic of "The Tale on the Taking of Tsargrad". This approach creates an effect of temporal proximity, rendering the past vividly relevant to the reader.

Keywords: Ivan Peresvetov, narrative strategies, "The Tale on the Taking of Tsargrad", 16th-century Russian literature, political allegory

